

Патрик Флак (Швейцария)

РОМАН ЯКОБСОН
И ПЕРЕХОД НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ
К СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ:
К новой историографии структурализма

Цель данной статьи – очертить проблемные рамки дальнейшего исследования структурализма и его генеалогии. Мне хотелось бы показать, что преобладающие ныне подходы к изучению истории структурализма следует значительно расширить, причем не только для того, чтобы полнее учесть наследие мыслителей Восточной и Центральной Европы, но и чтобы лучше осмыслить глубокую, плодотворную укорененность структурализма в немецкой научной мысли XIX в. С этой целью я в сжатом виде сопоставляю три различные историографические модели структурализма («французскую», «восточно-западную» и «якобсоновскую»): каждая из них представляет – пусть приблизительно и избирательно – контрастивную карту интеллектуальных и межличностных сетей, которые лежали в основе развития структурализма вплоть до Второй мировой войны.

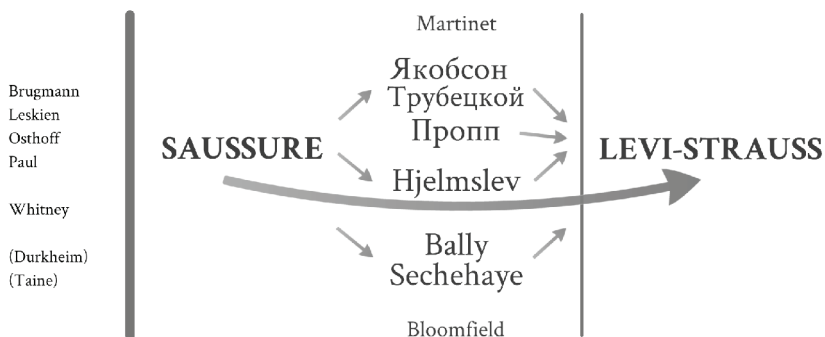
Ключевые слова: структурализм, история гуманитарных наук, Соссюр, Леви-Стросс.

Схематический, «моделирующий» подход, который я здесь предлагаю, несомненно порождает существенные методологические проблемы, в частности из-за некоторой его размытости и поверхностности. Правда, в рамках данной работы я намерен лишь вскользь очертить некоторые межличностные и концептуальные взаимосвязи между большим числом исследователей, не вдаваясь в анализ и интерпретацию масштаба, удельного веса и влияния их идей; мы не будем здесь

углубляться в рассмотрение вопроса о концептуальной значимости и целесообразности помещения структурализма в контекст эволюции немецкой научной мысли XIX в. Все это накладывает серьезные ограничения, которые я всецело осознаю. Дело в том, однако, что всю сложность и богатство интеллектуальных корней структурализма в немецкой научной мысли XIX в., как и поразительное пренебрежение, которому подверглись эти немецкие традиции (в качестве самодостаточных и значимых в исторической перспективе теорий, имеющих непосредственное отношение к структурализму), нам еще только предстоит подробно проанализировать на понятийном уровне. Как будет показано далее, существует огромный материал – труды мыслителей, дисциплины и интеллектуальные традиции, воздействие которых на структурализм только-только начало серьезно изучаться.

В то же время сейчас, когда прошло уже 20 лет после того, как возобновился научный интерес к вопросам происхождения структурализма и интеллектуальному контексту межвоенного периода, недостатки традиционных методов изучения структурализма обнаружались со всей ясностью, а присутствие в центре его проблематики целой плеяды забытых мыслителей и интеллектуальных традиций стали совершенно очевидными. А потому необходимость в переосмыслении и переоценке существующих подходов к изучению структурализма уже не требует отдельного обоснования. В самом деле, та картина концептуальных связей, что будет предложена вниманию читателя, основывается на результатах научных изысканий, которые осуществлялись на протяжении продолжительного времени целым рядом ведущих исследователей¹. На протяжении последних лет призывы к более широкому и в то же время дифференцированному подходу к структурализму звучали уже не раз². Они ставили во главу угла тенденции «межнационального», «исторического» и «междисциплинарного» характера, что полностью совпадает с той перспективой, в которой я предлагаю рассматривать данную проблематику. Таким образом, наши претензии не представляют чрезмерными, а данная работа не бросает вызова существующим представлениям о структурализме: ее задача скорее состоит в том, чтобы подвести некоторые итоги и сделать выводы из проводимых изысканий, а также по мере возможности способствовать определению общего направления и потенциального круга будущих исследований происхождения структурализма.

«Французская» модель

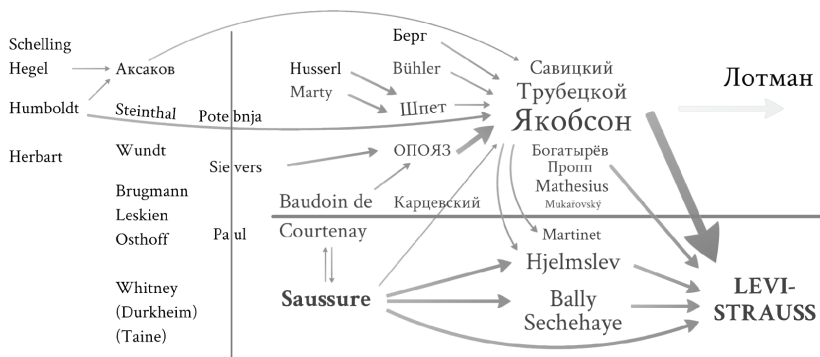
Эта первая историографическая модель соответствует тем описаниям развития идей структурализма в межвоенный период, которые обычно включают в учебники и хрестоматии по истории лингвистики³ и литературоведения⁴ либо по истории структурализма как такового⁵. Я называю эту модель французской потому, что она связана почти исключительно с личностью Фердинанда де Соссюра (франкоязычного швейцарца) и Клода Леви-Стросса, а также потому, что в рамках этой модели местом и периодом расцвета и наибольшей значимости идей структурализма считается парижская интеллектуальная среда 1960–1970-х годов (Ролан Барт, Жак Лакан, Цветан Тодоров и др.). В рамках этой модели Соссюр, как правило, представляется в роли отца структурализма, одинокого гения, который при некотором участии таких ученых, как Уильям Уитни, Поль Дюркгейм и Ипполит Тэн, порвал с традициями младограмматики (Карл Бругман, Август Лескин, Герман Остгоф, Герман Пауль и др.) и положил начало новой эры лингвистики и науки о знаках (семиологии). Леви-Стросс, в свою очередь, представлен в качестве ключевой фигуры, сумевшей распространить идеи Соссюра о природе языковых знаков на другие науки и тем самым дать толчок становлению структурализма как господствующей парадигмы в 1960-х годах.

Вслед за этими двумя титанами гуманитарной мысли во «французскую» модель, как правило, включают промежуточное звено, а именно ряд различных школ структурализма: Женевскую школу Шарля Балли и Альбера Сеше, Пражскую школу Романа Яacobсона и Николая Трубецкого (или, в меньшей степени, Андре Мартине),

Копенгагенский лингвистический кружок Луи Ельмслева и значительно меньшее по значимости американское направление Леонарда Блумфилда, основанное на идее дистрибутивности. Владимир Пропп, филолог-фольклорист, близкий к русскому формализму, также упоминается как личность, оказавшая значительное влияние на Леви-Стросса. Тем не менее все эти мыслители представляются как прямые наследники Соссюра и непосредственные предтечи Леви-Стросса. Иными словами, все они образуют собой некую линейную «соссюрианскую» традицию. Достижения самого Соссюра в большинстве случаев представляются как намного более значимые для Леви-Стросса, нежели как вклад, привнесенный позже Якобсоном, Трубецким или Ельмсловом. Единственное значимое исключение представляет собой фигура Проппа, чья деятельность лежала вне плоскости лингвистики и, вероятно, как раз по этой причине была признана отдельным интеллектуальным вкладом, существенно отличным от идей Соссюра и оказавшим непосредственное влияние на Леви-Стросса.

Эта краткая зарисовка несомненно представляет собой упрощенную версию того, что мы находим в работах Каллера, Досса и десятков других исследователей, оставляя в данном случае без внимания значительные различия в их интерпретации проблематики происхождения и развития структурализма. В частности, обойдены молчанием междисциплинарные различия: как правило, исследователей-лингвистов, таких как Серен или Робинс, больше занимают связи Соссюра со школой младограмматиков, в то время как для литературоведов и антропологов отправной точкой является Леви-Стросс, а весь межвоенный период представляется не более чем предысторией (так, в своей авторитетной «Histoire du structuralisme» Досс начинает повествование с 1945 г.). Однако справедливо признать, что несмотря на все различия эти работы отводят изысканиям Соссюра почетную роль поворотного момента в истории развития научной мысли, единственной и уникальной отправной точки развития всей парадигмы структурализма. Точно так же деятельность Леви-Стросса систематически характеризуется как важнейший катализатор очевидного распространения парадигмы структурализма из лингвистики на практически все гуманитарные науки *в поствоенный период*. К тому же – что весьма прискорбно – все посвященные структурализму работы, которые не были написаны или же сразу переведены на английский или французский, так никогда и не были должным образом ассимилированы этой «соссюрианской» генеалогией и были обречены оставаться на ее дальних рубежах.

«Восточно-западная» модель

Вторая модель синтезирует результаты серии исследований, опубликованных после падения Берлинской стены и ознаменовавших собой новый взгляд на развитие гуманитарной мысли в межвоенный период в России и Центральной Европе⁶. Само это название – «восточно-западная» модель – призвано отобразить тот факт, что в этой модели, несмотря на признание вклада исследователей Восточной и Центральной Европы в развитие структурализма, «восточное», или «славянское», направление все же остается принципиально отличным от «западного», или «соссорианского», или даже в некотором роде противопоставленным ему. Важно отметить, что этот дуалистический взгляд на структурализм не постулируется как абсолютная догма ни в одном из вышеупомянутых исследований. В целом их авторы предпочитают обрисовывать богатство и разнообразие школ структурализма и вести речь о «структурализах» во множественном числе⁷, не проводя четкого разграничения между явно разнородными «восточными» и «западными» традициями. Однако поскольку они нередко и по вполне понятным эвристическим соображениям предпочитают сосредоточиваться почти исключительно на генезисе и концептуальной направленности традиций структурализма в Восточной и Центральной Европе, подчеркивая при том *оригинальные* и *отличительные* черты этих направлений, они порождают впечатление расхождения этих традиций с «соссорианским» структурализмом.

«Восточно-западная» модель привносит как минимум три значительных новшества – или улучшения – сравнительно с «французской». Во-первых, что совсем неудивительно, она изображает

саму Пражскую школу гораздо подробнее. Если, с точки зрения «французской» модели, интерес представляют лишь Якобсон и Трубецкой, то вторая модель уделяет значительно большее внимание чешским членам Пражского лингвистического кружка (Вилем Матезиус, Богуслав Гавранек, Богумил Трнка), а также нелингвистам, таким как Петр Богатырев, Дмитрий Чижевский и Ян Мукаржовский, основатель Пражской эстетической школы. Таким образом, Пражская школа предстает не только через призму своих достижений в области фонологии, но и как междисциплинарный проект большой значимости для таких областей знания, как эстетика, литературоведение, театроведение и семиотика.

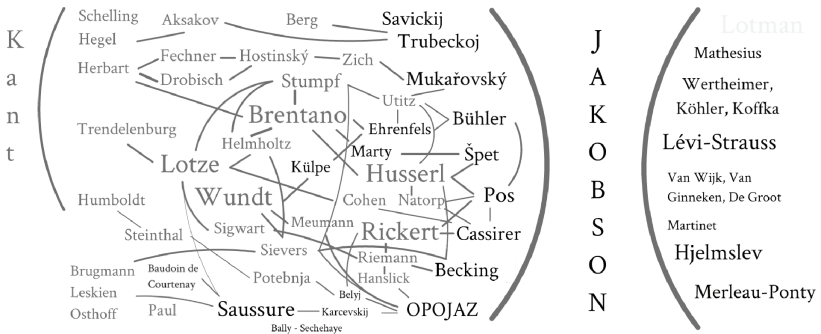
Второе значительное изменение связано с тем, что в рамках «восточно-западной» модели Соссюр больше не воспринимается как единственная личность, оказавшая непосредственное влияние на Пражскую школу. Работы польского лингвиста Бодуэна де Куртенэ, основателя *Ohrenphilologie* (акустической филологии) Эдуарда Зиверса и даже младограмматика Германа Пауля⁸ оказываются в числе тех, кто оказал значительное влияние на становление структурализма. Кроме того, не обойдено вниманием наследие русских формалистов (Юрия Тынянова, Льва Якубинского, Евгения Поливанова, Григория Винокура). Если в рамках «французской» модели их роль вторична и производна, как эхо парижского структурализма, зазвучавшее лишь благодаря их «популяризации» Цветаном Тодоровым в середине 1960-х годов, то с точки зрения «восточно-западной» модели они по праву являются интегральной частью раннего структурализма. Далее в поле зрения исследователей попадают другие, не менее важные для становления Пражской школы области знания помимо лингвистики и филологии; в частности, это феноменология (Эдмунд Гуссерль и его российский студент и последователь Густав Шпет), «эмпирическая школа» Brentano (Антон Марти, Кристиан фон Эренфельс и др.), а также психолингвистика Карла Бюлера.

Третьей новацией этой модели стала меньшая убежденность исследователей в том, что деятельность Соссюра озаменовала собой качественно новый период в развитии лингвистики и вообще в истории идей. Это соображение подспудно присутствует в вышеупомянутой критике представления о Соссюре как единственном идейном вдохновителе лингвистики нового образца и тенденции помещать его идеи в единый контекст с научными изысканиями Бодуэна де Куртенэ, Зиверса, Пауля, русских формалистов, а также Гуссерля и школы Brentano, о чем уже шла речь выше. Что касается идеи отрицания личности Соссюра как гения, в одиночку

изменившего ход развития структурализма, то наиболее явно она выражена Патриком Серио в его эпохальной работе «Структура и целостность» (1999). В ней Серио тщательно описывает всю долгую историю развития наиболее важных понятий пражского структурализма (структура, система, функция и др.) в рамках традиций неогумбольдтианской лингвистики и психологии (Хейман Штейнталь, Александр Потебня) и, что особенно удивительно, консервативной идеологии евразийства (Петр Савицкий), а также славянофильской философии XIX в. (Константин Аксаков). По мысли Серио, центральные понятия структуры и системы зародились не как следствие четкого разрыва с позитивизмом младограмматиков, но скорее постепенно выросли и выкристаллизовались на основе затяжной концептуальной борьбы с ключевыми идеями (*Ganzheit, Form, Organ*), выдвинутыми в рамках немецкого органицизма (Гёте), идеализма Гегеля и натурфилософии Шеллинга.

Естественно, как и в случае с «французской» моделью, предложенный краткий очерк ни в коей мере не претендует на роль всестороннего и исчерпывающего анализа упомянутых тут исследований. Эта часть даже больше, чем первая, напоминает коллаж из многих исследований, различных по фокусу внимания и по своим выводам. И все же представляется возможным выделить наиболее характерные их черты и ограничения. Так, наиболее очевидным отличием является повышенное внимание к источникам структурализма в Восточной и Центральной Европе, вследствие которого эта модель полностью порывает с традициями «французской» модели со свойственным последней узким пониманием проблематики структурализма, рассматривающим его как линейное продвижение по концептуальной оси «от Соссюра до Леви-Стросса». Более того, представление о том, что истинный расцвет структурализма приходится именно на послевоенный период, однозначно опровергается в процессе изучения того разнообразия, которое наблюдалось в гуманитарной мысли межвоенного периода благодаря деятельности представителей Пражской школы, а также тем значимым предпосылкам дальнейшего развития структурализма, которые лежат вне лингвистики (в области литературоведения, философии, психологии и др.) и уходят корнями в научную мысль XIX в. Однако в рамках этой модели задан⁹, но все же оставлен без ответа один важный вопрос, а именно: как соотносятся между собой оригинальный с точки зрения эпистемологии «славянский», или «восточный», структурализм и «соссюрианская» сторона этого течения, которая, по-видимому, сохраняет определенную целостность и собственную динамику развития.

«Якобсоновская» модель

Эта последняя модель включает в себя большую часть элементов двух предыдущих, в частности, все корректировки и добавления, осуществленные в рамках «восточно-западной» модели. Кроме того, она видит дополнительную опору в немецкой и австрийской философской мысли XIX в., не связанной напрямую со структурализмом¹⁰, а также включает ряд выводов и гипотез, которые были сформулированы мною¹¹. В рамках этой модели, в отличие от двух вышеприведенных моделей, стремящихся к «нейтральному» взгляду на структурализм, основное внимание сознательно уделяется роли Романа Якобсона, причем с вполне определенной исследовательской целью. Иными словами, несмотря на сильный перекоп в сторону Якобсона, эта модель ни в коей мере не несет в себе идею о Якобсоне как единственном эпицентре развития структурализма. Скорее поставлена цель представить систему межличностных и концептуальных взаимосвязей внутри течения структурализма таким образом, чтобы их преемственность с традициями гуманитарной мысли XIX в. стала непосредственно очевидной. Соответственно выбор личности Якобсона логичен, поскольку в плоскости его деятельности пересекаются, сливаются и снова расходятся многие традиции (феноменология, неокантианство, «эмпирическая школа» Brentano, эстетическая теория Гербарта, формализм и др.).

Основным принципом этой модели является распространение подхода Серио (1999) на большее число интеллектуальных источников Якобсона. Таким образом, в дополнение к восстановлению отношений наследственности между деятельностью Якобсона и идеями Гумбольдта (через ось Потебня–Штейнталь), а также

Шеллинга, Гегеля и Гёте (через ось Савицкий / Трубецкой–Берг–Аксаков) учитываются связи Якобсона с эстетикой Гербарта (Мукаржовский–Цих–Гостинский–Фехнер / Дробиш) и антигербартовской психологией (Бюлер–Эренфельс–Штумпф–Брентано), с посткантианской эпистемологией (Пос–Кассирер / Рикерт–Лотце–Гельмгольц–Тренделенбург) и психологической эстетикой (Бекинг–Риман / Ганслик–Зигварт), а также с экспериментальной психологией (Зиверс–Мейман / Кульпе–Вундт). Естественно, что все эти отношения преемственности и концептуального родства еще предстоит тщательно исследовать и объяснить. Однако эта модель сразу позволяет заметить, насколько тесно они увязаны между собой. Следует добавить, что эти связи несут в себе не черты отдаленного родства и сомнительных «влияний» – они основаны на близких личных отношениях (например, учитель–студент), обширной переписке (как личного, так и дискуссионного характера), подробных рецензиях, непосредственной полемике, а также на прямых свидетельствах признательности.

По правде говоря, дальнейшее описание данной модели, ее отстаивание и извлечение выводов на данном этапе не представляется целесообразным. К тому же ее сложность делает это совершенно невозможным в рамках данной работы. Тем не менее я убежден, что необычайная плотность системы личных и интеллектуальных отношений между наиболее выдающимися философами, психологами и лингвистами, которая обрисована в рамках «якобсоновской» модели, сама по себе является доводом в пользу признания отношений наследственности между структурализмом и гуманитарной мыслью XIX в. Две другие историографические модели не содержат весомых аргументов против такого расширенного понимания данной проблематики. Более того, вся их правдоподобность зиждется на полном или частичном игнорировании исторических предпосылок, существование и значимость которых, однако, не подлежат сомнению. Это особенно верно в отношении «французской» модели с ее полным пренебрежением истоками структурализма, относящимися к XIX в. Однако и «восточно-западная» модель обращается к ним лишь частично и только в отношении «восточного крыла» структурализма. Таким образом, уже одно только знание о том, что крупнейшие структуралисты, такие как Якобсон, на самом деле являются прямыми наследниками немецкой научной мысли XIX в. и, более того, что сами эти традиции представляют собой плотную и широкомасштабную систему значимых и плодотворных отношений, становится достаточным основанием для более тщательного исследования этой системы взаимосвязей.

- ¹ *Raynaud S.* Il Circolo linguistico di Praga (1926–1939). Radici storiche e apporti teorici. Milano: Vita e pensiero, 1990; *Sériot P.* Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. P.: Presses universitaires de France, 1999; *Дмитриева Н.* Русское неокантианство. «Марбург» в России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007; и др.
- ² *Hoskovec T.* Synchronie et diachronie au centre et à la périphérie. Du foyer pragois de structuralisme fonctionnel // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2011. Vol. 64; Dossiers d'HEL. 2013. № 3. Les structuralismes linguistiques. Problèmes d'historiographie comparée / Ed. par Ch. Puech.
- ³ *Seuren P.* Western Linguistics. An Historical Introduction. L.: Wiley-Blackwell, 1998; *Robins R.H.* A short history of linguistics. L.: Longman, 2001; и т. д.
- ⁴ From formalism to poststructuralism / Ed. by R. Selden, P. Brooks. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Literary theory. An anthology / Ed. by J. Rivkin, M. Ryan. Princeton, NJ, 2010; и др.
- ⁵ *Scholes R.* Structuralism in literature. An introduction. New Haven: Yale University Press, 1974; *Culler J.* Structuralist poetics. Structuralism, linguistics and the study of literature. L.: Routledge, 1975; *Dosse F.* Histoire du structuralisme: In 2 vols. P.: La Découverte, 1995–1996; и т. д.
- ⁶ *Raynaud S.* Op. cit.; *Sériot P.* Op. cit.; *Dmitriev A.* Le contexte européen (Français et Allemand) du formalisme russe // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 2–3 (43). P. 423–440; *Seifrid Th.J.* The word made self. Russian writings on language, 1860–1930. Ithaca: Cornell University Press, 2005; *Sládek O.* Český strukturalismus po poststrukturalismu. Praha, 2005. Brno: Host, 2006; Gustave Chpet et son héritage: aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. par M. Dennes. Toulouse: Slavica Occitania, 2008; *Ambros V.* Structuralism(s) today. P.; Prague; Tartu; N. Y.: Legas, 2009; и др.
- ⁷ См.: *Ambros V.* Op. cit.; Dossiers d'HEL. 2013. № 3.
- ⁸ См.: *Albrecht J.* Hermann Paul, ein Strukturalist ante litteram? // Lingua et traditio. Geschichte der Sprachwissenschaft und der neueren Philologien / Hrsg. von R. Baum. Tübingen: Narr, 1994. S. 393–408.
- ⁹ Например: *Sériot P.* Op. cit. P. 307–313.
- ¹⁰ *Köhnke K.Ch.* The Rise of Neo-Kantianism. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; La Philosophie autrichienne de Bolzano à Musil. Histoire et Actualité / Ed. par K. Mulligan; J.-P. Cometti. P.: Vrin, 2001; *Дмитриева Н.* Указ. соч.; Formalisme esthétique. Prague et Vienne au 19e siècle / Ed. par C. Maigné. P.: Vrin, 2013; и др.
- ¹¹ *Flack P.* Hendrik Pos. Une philosophie entre idée et vécu // Hendrik Pos: Ecrits sur le langage / Ed. par P. Flack. Genève: Sdvig press, 2013. P. 8–27; *Idem.* Roman Jakobson et le moment phénoménologique de la linguistique structurale // Cahiers de l'ILSL. 2013. Vol. 37. P. 117–126; *Idem.* Le formalisme russe entre ferment néo-kantien et linguistique structurale // L'arrière-plan linguistique du formalisme russe / Ed. par S. Archambault, S. Tchougounnikov. P.: Institut des Etudes Slaves, 2014 (in press); *Idem.* From a theory of verse to a typology of musical rhythm and back again. Sievers – Becking – Jakobson // Wiener Slawistischer Almanach. 2014 (in press).